

сится больше обычного. В результате вместо прироста на 1,5% в год, характерного для периода с 2010 по 2014 год, потребление в 2015 году выросло чуть более чем на 2%. Для рынка нефти это существенно, но для какого-нибудь обычного товарного рынка снижение цен в два раза, а именно таким оно было в 2015 году, оборачивается намного большим ростом продаж. И нефти на рынке тогда было более чем достаточно для удовлетворения существенно большего прироста потребления.

Причин низкой ценовой эластичности спроса несколько. Во-первых, для многих потребителей поездки на транспорте — предмет первой необходимости, и даже при резком удорожании или удешевлении бензина они будут ездить столько же, сколько и раньше, особенно если в их бюджете доля расходов на поездки довольно мала. Во-вторых, собственно вклад цены на нефть в итоговую цену моторного топлива, которую потребители видят на бензоколонке, во многих странах не так уж велик. По оценке ОПЕК, в США цена нефти обеспечивает половину стоимости нефтепродуктов, а в крупнейших странах Европы — и вовсе четверть, а большая часть приходится на налоги. Так что потребители не очень-то чувствуют колебания нефтяных цен. Более того, в некоторых странах цены на топливо субсидируются государством, и тогда потребители тем более не будут адаптировать свое поведение к динамике мировых нефтяных цен.

Есть причины и у низкой ценовой эластичности предложения, главная из них — дороговизна и длительные сроки разработки новых месторождений, а также сложность приостановки или закрытия действующих. Если нефти в мире не хватает и цены на нее сильно растут, то за ней приходится идти в совсем сложные районы — например, в Арктику или на глубоководные месторождения, и даже с большими деньгами добычу там быстро не начать. Но и если наблюдается избыток нефти, то производители далеко не сразу закроют скважины. Иногда это технологически невозможно или опасно, и даже если ограничить добычу в принципе можно, то продолжать ее нередко бывает выгодно, чтобы покрывать хоть часть издержек. Со временем, конечно, производители реагируют на стимулы — это хорошо заметно на примере американской нефтедобычи, которая считается одной из наиболее адаптивных. На графике показано число работающих буровых установок на нефть в США. Заметна закономерность: в моменты, когда цена опускалась ниже \$60 за баррель, происходил перелом тенденции и число буровых начинало снижаться, когда же цена поднималась выше этого уровня, то их число начинало возрастать (рисунок 2). Но изменение числа буровых не означает изменения добычи, оно лишь показывает активность в сфере разработки месторождений, которая сказывается на уровне производства через несколько месяцев, а скорее — через год.

Небывалые обстоятельства

У этой слабой реакции производителей и потребителей есть и обратная сторона: когда на рынке по какой-то причине появляется даже относительно небольшой (скажем, 2–3% мировой добычи) дисбаланс, адаптация к нему происходит именно за счет резкого изменения цен. Скажем, если появляется избыточная сланцевая нефть (как в 2014–2016 годах) или снижается потребление из-за замедления экономики (как в кризис 2008–2009 годов или сейчас, из-за пандемии коронавируса), то даже небольшой избыток нефти некуда девать: потребителям он вовсе не нужен, а производители не могут сразу снизить добычу, и чтобы хоть кто-то эту избыточную нефть приобрел и потребил, приходится очень серьезно сбивать цену. Аналогичная ситуация возникает и при некотором дефиците нефти — только в этом случае цены резко растут.

В какие-то моменты скачки цен могут принести краткосрочные выгоды производителям или потребителям, однако в целом они невыгодны для развития отрасли в целом, поскольку вся эта нестабильность подрывает инвестиционный климат как собственно в нефтяной отрасли, так и в смежных отраслях, а если смотреть шире — то и в целых национальных экономиках, особенно если они сильно зависят от нефти.

Проблему нестабильности нефтяных цен пытались решить уже давно и самыми разными способами: это и картель нефтяных компаний 1930-х годов, и создание запасов импортерами в рамках Международного энергетического агентства (МЭА) в 1970-х годах в сочетании с деятельностью картеля государств-экспортеров ОПЕК, и попытки наладить сотрудничество ОПЕК и МЭА в рамках Международного энергетического форума, и скоорди-

Рис. 2: Сравнительная динамика цены нефти марки WTI и числа нефтяных буровых установок в США и Канаде, 2008–2020 годы

нированный ответ ОПЕК на мировой кризис 2008–2009 годов. Соглашение стран ОПЕК и не ОПЕК — последняя по времени институциональная новация, которая оказалась довольно эффективным решением в 2017 году, но нынешний шок подверг ее крайне серьезному испытанию.

Идея соглашения была хороша тем, что позволяла если и не решить «проблему безбилетника», то по крайней мере снизить число «безбилетников» и разложить бремя совместного ограничения добычи для повышения цен на большее число игроков. Соглашение предполагало подключение ряда государств-нефтеэкспортеров к принятию решений ОПЕК и их реализации. А «безбилетниками» в данном случае являются производители, которые не участвуют в соглашении, но получают от него выгоды.

Почему же соглашение не устояло в прежнем режиме?

Дело не столько в несговорчивости отдельных участников, сколько в том, что в 2020 году мы столкнулись с новым типом шока на рынке. За последние 12 лет мы видели три крупных шока, связанных с падением цен, и все они имели разную природу, хотя эффект на первый взгляд был одинаковым: избыток нефти на рынке и стремительное падение цен в два-три раза.

В 2008–2009 годах это был глобальный шок спроса из-за экономического спада. Про такой шок мы можем сказать, что он будет преодолен в целом независимо от цен на нефть. В этой ситуации координированное сокращение добычи, как это и сделала ОПЕК исключительно силами участников организации с 2009 года, является вполне рациональным ходом: это приведет к повышению цен при относительно небольших потерях продаж (благодаря низкой эластичности спроса и предложения, о которых мы говорили выше).

В 2014–2016 годах это был глобальный шок предложения из-за появления нового крупного источника добычи — сланцевой нефти, прежде всего в США. Здесь координированное сокращение добычи последовало далеко не сразу, да и имело ли оно смысл? Сокращение добычи со стороны ОПЕК привело бы к восстановлению цен (хотя бы частично), а значит — к новому витку роста добычи в Северной Америке, так что цены бы снова упали и ОПЕК пришлось бы сокращать добычу снова, теряя долю рынка и так и не добиваясь стабилизации цен. Лишь после того как добыча в США в 2016 году начала заметно сокращаться, а ОПЕК объединила свои действия с другими экспортерами, ограничив собственные потери, лишь тогда сокращение добычи по соглашению стран ОПЕК и не ОПЕК состоялось.

В 2020 году мы наблюдаем гибридный шок. С одной стороны, с 2018 года из-за подъема цен до \$60–70 за баррель вновь сильно оживилась добыча в США, так что и без пандемии в начале 2020 года ожидался существенный избыток нефти на рынке. Собственно говоря, в ожидании этого уже с января 2020 года государства ОПЕК и не ОПЕК еще немного сократили добычу, хотя этого было недостаточно для компенсации избыточного предложения в начале 2020 года. Но пандемия коронавируса обрушила спрос в начале года сначала в Китае, а теперь, судя по всему, и в развитых странах. В результате на рынке образовался беспрецедентный избыток нефти, который в первом полугодии не компенсировали бы даже расширенные обязательства о сокращениях производства по соглашению стран ОПЕК и не ОПЕК, особенно если бы США компенсировали эти сокращения своей добычей.

Поэтому сохранение исходного соглашения вряд ли предотвратило бы коллапс цен на нефтяном рынке. И отказ от прежнего соглашения главных участников — России и Саудовской Аравии — нельзя однозначно считать ни немотивированным, ни безответственным. Ценовой шок при таком количестве негативных явлений в мировой экономике все равно бы состоялся.

Новое соглашение, достигнутое в начале апреля, потребовало вовлечения более мощных ресурсов, в первую очередь — поддержки США, если и не в качестве участника сокращения, то в качестве гаранта и посредника. Появились и новые, более жесткие принципы: паритет ключевых игроков — России и Саудовской Аравии — по объему добычи при пропорциональных сокращениях всех остальных участников. Таким образом, экспортеры быстро нашли возможности сотрудничества, но в 2020 году, особенно во втором квартале, избыток нефти все же будет весьма существенным, и трудные времена пока придется пережить всем нам.

АЛЕКСАНДР КУРДИН, кандидат экономических наук, замдекана по научной работе, старший научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; руководитель исследований департамента по ТЭК и ЖКХ аналитического центра при правительстве России